

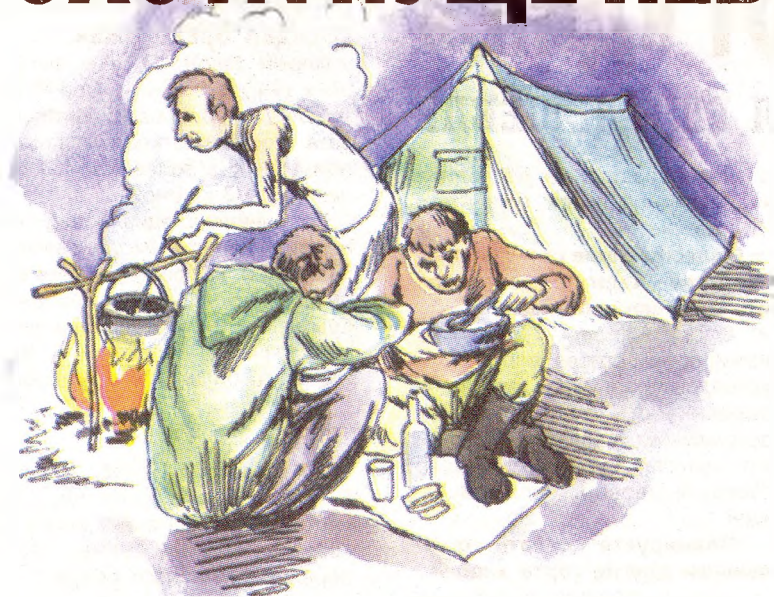
ЧАЙ УКРЕПЛЯЕТ ДРУЖБУ

Проходя мимо землянки соседей, я решил навестить наших бабаев. Они сидели на войлоке и пили из маленьких пиалушек чай. Пригласили и меня. На ситцевом платке, когда-то стиранном, были разбросаны куски лепешек. Пекутся они из пресного теста. Нагрев одну сковороду, смазывают ее жиром. Укладывают тесто на кипящий жир, затем накрывают второй сковородой. Получается что-то вроде среднеазиатского лаваша, но гораздо вкуснее. Сахар к чаю подается тоже маленькими комочками. Выкладываются кусочки сушеного сыра (курт), сделанная из сметаны брынза (сарсу). Кипяток наливается в пиалы по половине, щедро льются круто заваренный чай, сливки или молоко. Отказываться от такого угощения – грех, да и обидеть этим можно.

Одного казаха звали Турбай, другого – Сарыкбай. «Тур, тыр» – по-казахски «стой». «Бай, хан, салтан, мурза» и другие приставки даются на счастье и обещают в будущем богатство, знатность. Вторая часть имени «сарык» означает «баран». Имя часто дается как аванс будущим владельцам многочисленных овечьих отар.

С воды раздавались частые выстрелы. На моем пути оказался небольшой залив, и с него вдруг с шумом и всплесками поднялась партия чернышей. Сначала они вроде бы направили свой полет в сторону воды, но потом развернулись и спикировали над заливом. С разворота со свистом они уже шли на посадку, но я поднялся навстречу. Стая уток сделала крутую горку, смешалась, сбилась в кучу. Я, почти не целясь, разрядил ружье в это скопище. Штук 15 уцелевших

ОХОТА ПУЩЕ НЕВОЛИ

птиц рассыпались в воздухе, а пять шлепнулись в лужу. Четыре из них были биты замертво, а одна, сходу нырнув в воду, вынырнула метрах в двадцати от затона. Добывать неинтересно. Черныш немного оправился от ранения, страха и во все лопатки греб от моего берега.

Я отвернул голенища сапог и собрал трофеи. Идти дальше не было смысла – если и убьешь утку, то не достанешь. Я повернул назад и шел, вспоминая, где же мне встречалось слово «сарык». «Сарак-таш», – вдруг озарило меня. По поводу этого названия у меня были споры с одним таким же, как я, открывателем слов. Мой оппонент доказывал, что в окрестности Саракташа есть камень, чем-то напоминающий голову барана. «Баран» – по-казахски «сарык», а «таш» – «камень». Я почему-то придерживаюсь другой точки зрения. Первоначальное на-

звание этого населенного пункта было от названия камня. И не одного, а многих. «Сары» – желтое, «ак» – белое, «таш» – камень. Таких желтовато-белых камней в тех местах хоть пруд пруди.

Поселок, который расположен невдалеке, называется Желтое. Вблизи от этих мест есть еще две «Сары» – поселок Старая Сара и станция Сара. Ну, а на Саринском плато, где выходы желтой породы или руды попадают часто, расположены и Медногорск, и Гайский обогатительный комбинат.

Не знаю, какие еще нужны аргументы и доказательства, что Саракташ и Медногорск – близнецы-братья. Следовательно, правильно было бы написать на картах не Саракташ, а Сары-ак-таш.

А что, если второе интересующее меня слово «Сар-копа» (Саркоба) изначально обозначалось Сарык-

коба? Если так, то озеро в переводе означало: «Сарык» – баран, «коба» – пьет, глотает. На ум пришло слово «кабак». Я еще раньше записал в свой словарь, что слова «кабак, кобзарь, кабарга, кабриолет» и другие имеют общий корень. «Так вот, – раздумывал я, – если «сарык» – коба (копа) можно перевести как «баран пьет (глотает)», то следует подумать в этом ключе и о Бел-купе. Почему местные люди называют это озеро Бал-коба?

Чувствуя, что выбранный ключ может открыть секрет истинного названия озера, я продолжал выбирать варианты. «Бал-коба» означает «мед пьет, мед глотает». «Мед» по-казахски – бал. Но ведь мед – это сладость. Синонимом меду могут быть слова «сладкий, сахарный, вкусный». Русские тоже говорят: медовые яблоки, дыни, арбузы. Про убитых уток, которые висели у меня на удавках патрон-таша, я совсем забыл.

– Якши стрелял, – похвалил меня Сарыкбай, когда я проходил мимо его землянки. Я отстегнул уток от пояса и хотел подарить их.

– Нет, нет, нельзя, – замахал руками казах, – твоя город пойдет, подарок домой таскать надо. Баба, ребятишка кормить надо.

Я долго доказывал бабаю, что мы еще дня четыре охотиться будем, уток на всех хватит.

– Конечно, конечно, – соглашался он, – утка – да, вода – да, всем хватит, утка сладкий, вода тоже сладкий.

«Опять о сладкой воде что-то упоминает», – подумал я.

– А скажи, друг, здесь везде вода сладкая? – решил я задать мучивший меня вопрос.

– Бал-коба кругом сладкий. Чай пьешь, бешбармак варишь, тоже кислый нет.

Так вот разгадка. Слово «бал» обозначает, оказывается, не только сладкая, но и вкусная речная вода.

– Другой места, – продолжал старик, – шибко плохой вода есть, один соль. Кара-аще-коль называется. Там такой же гора есть, черный, черный Кара-аще-тау. Тот место трава нет, вода нет. Шайтан там есть.

Окрыленный удачей открытия, я поспешил на стан. Там уже вся команда была в сборе. Геннадий, помешивая половником лапшу, бросил туда несколько лавровых листьев.

– Ну, и как, отвели душу? – спросил я охотников.

– На все сто процентов, – ответил Паша, – будет что вспомнить.

– Ну, а сейчас давайте пообедаем, отдохнем, потом вечерку планировать будем.

По всеобщему согласию мы решили отметить удачный финиш. Достали бутылку «Московской». Лапша была – пальчики оближешь.

– Бутылка на пятерых как слону дробинка, – заметил, опорожнив свою вместительную миску, Юра.

После шурпы начали снимать пробу с дичи. Парное мясо дикой утки было посыпано крупной солью, мелким укропчиком и зеленым лучком.

– Вкус дичи всегда превосходит мясо домашней птицы, – заметил как бы между прочим водитель.

Мясо и кости охотники перемалывали, только скулы ходили. Когда тещина самогонка на черной рябине была прикончена, а мясо съедено, я принес чайник и разлил ароматный напиток по кружкам.

В. ДЫРБОВ.

(Окончание следует.)